

трагически воспринятая гибель декабристов. С психологической точки зрения слова «не больно умирать» означают «больно переживать смерть друзей». В судьбе Онегина это связано с гранью безумия («...окровавленная тень ему являлась каждый день»), это мучения совести, так легко согласившейся на бессмысленную дуэль.

Рисуя уже после гибели Ленского варианты его возможной судьбы («ждала высокая ступень» или «обыкновенный удел»), Пушкин намеренно не хочет говорить об Онегине («Мне теперь не до него!»). Вместо этого он размышляет о своем пути, о том, что «весна жизни промчалась», что наступил ее «полдень» («ужель мне скоро тридцать лет»). Поэт прощается с юностью, и эти слова напоминают молитву: «Благодарю...». Он прощается с целым периодом своей жизни, с романтизмом, который «убил» в этой главе. Время романтизма ушло:

Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь,
От жизни прошлой отдохнуть.
(VI, 136)

Лишь «младое» вдохновенье он просить чаще прилетать, чтобы душа не ожесточилась, не окаменела в омуте света.

Итак, полагаю, что текст эпитафии относится к Ленскому, эпитафия выполняет, как отмечалось, вещную роль, он предсказывает характер событий главы, одновременно раскрывая и сущность поэта-романтика, его жизненные принципы и устои. Романтизм «гибнет» при встрече с реальностью. Идеинная функция эпитафии выражает именно эту точку зрения.

И. В. Кощиченко

«ГРАФ НУЛИН» И ГРАФ РОСТОПЧИН

(Об одной фразе пушкинской поэмы)

Александровская эпоха выдвинула на авансцену истории много ярких, неординарных и парадоксальных личностей. Эту характеристику в полной мере можно отнести к графу Федору Васильевичу Ростопчину (1763—1826), одному из «самых примечательнейших представителей» того времени,¹ прославив-

¹Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 214.

шемуся прежде всего своими действиями на посту московского губернатора во время войны с Наполеоном. На склоне лет П. А. Вяземский писал, что «граф Ростопчин будет известен в истории, как Ростопчин 1812-го года, Ростопчин Москвы, Ростопчин пожарный: нечто в роде патриотического Эрострата, озарившего имя свое заревом пожара...».² Пожалуй, престарелый поэт не был далек от истины. Ведь нам Ростопчин представляется именно таким, каким он изображен на страницах «Войны и мира».

Но современники знали и другого Ростопчина. В начале XIX в. этот «желчевой старик» (выражение Герцена³) пользовался славой одного из самых замечательных остроумцев эпохи. Как свидетельствовал один из его близких знакомых, «разговор графа Ростопчина отличался разнообразностью, оборотами необыкновенными и был испещрен так называемыми острыми словами, кои поражали оригинальностью и правдою своею, и тотчас всеми выучивались и повторялись; он имел дар находить всегда смешную сторону всякой вещи и умел придавать особенную занимательность рассказу о происшествии самом обыкновенном».⁴ Черты, присущие разговору Ростопчина, отразились и в его немногочисленных сочинениях, опубликованных по большей части посмертно.⁵

Но все же большинство острот Ростопчина бытовало лишь в устной традиции. До нас они дошли в виде анекдотов, которые внимательные современники фиксировали в дневниках, сообщали своим друзьям в письмах и вспоминали в мемуарах. Ниже мы попытаемся показать, что один из таких анекдотов был замечен Пушкиным и нашел отражение в его поэме «Граф Нулин» (1825).

Вспомним сцену разговора возвращающегося из Парижа заглавного героя поэмы с очаровательной провинциальной помещицей Натальей Павловной, которая стремится узнать

---

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 500.

³ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 637.

⁴ А. Б. [Брокер А. Ф.] Биография графа Федора Васильевича Ростопчина // Отечественные записки. 1826. Ч. 26. № 72. Апр. С. 80. Эта статья, представляющая собой некролог Ростопчина, затем была републикована в «Русской старине» (1893. № 1. С. 161—172) с раскрытием автора, но без указания источника перепечатки. Н. С. Тихонравов в своей работе «Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 году» (1854) ошибочно приписал ее А. Я. Булгакову (см.: Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 52. 2-я pag.).

⁵ Самый полный сборник сочинений Ростопчина, подготовленный Г. Д. Овчинниковым, вышел уже в наши дни: *Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992.*

из первых уст последние новости французской столицы. На ее вопрос: «А что театр?», граф отвечает следующее:

О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увуй! стареет...
За то Потье, le grand Potier!
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один.

(V, 7)

Во всех изданиях «Графа Нулина» комментариев к этим стихам скуп и одинаков. Объясняется только, что здесь имеются в виду французские актеры Франсуа Жозеф Тальма (1763—1826), Анн Франсуаз Ипполит Буте (сценический псевдоним: Марс; 1779—1847) и Шарль Габриель Потье (наст. фамилия: Потье де Кайетьер; 1775—1838). Имена первых двух были хорошо известны в России; последнего знали меньше. Однако в начале XIX в. Потье наряду с Жаном-Жозефом Брюне был во Франции одним из самых популярных комических актеров. Современники отмечали его широкий творческий диапазон и талант импровизации; об этом писал, в частности, А. И. Тургенев, видевший Потье в Париже в 1820-х гг.⁶ Более того, он воспринимался как один из символов французской столицы; именно в таком контексте вспоминает о нем французский офицер в «Войне и мире»: «Paris, s'est Talma, la Duchénois, Potier, la Sorbonne, les boulevards...».⁷ Имя Потье время от времени мелькало в русской периодике 1820—1830-х гг. Так, в 1822 г. несколько анекдотов о нем публикует «Благонамеренный», отмечая при этом, что «Потье, известный парижский актер, отличается не только дарованиями своими в комическом роде, но и остротою ума».⁸ В 1827 г. в «Северной пчеле» было помещена заметка о том, что он оставляет сцену, и сообщалось о его прощальном спектакле: «Он, как обыкновенно, удостоился величайшего одобрения зрителей, и по окончании пьес, пропел дрожащим от умиления голосом несколько куплетов, в которых прощался с публикою. Зрители

⁶ См.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 323, 357. Об интересе членов императорской фамилии к Потье см.: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 6. С. 53.

⁷ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. 6. С. 381; перевод: «Париж — это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары...».

⁸ В. Анекдоты о французском актере Потье // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 13. С. 517.

вызвали его громким рукоплесканием и восклицаниями. Потье дебютировал на сем театре (театре «Варьете». — А. Б.) в 1809 году, и с тех пор, с каждым представлением увеличивалась его слава».⁹ Спустя десять лет «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“» опубликовали не подтвердившийся впоследствии слух о скорой публикации мемуаров Потье, причем высказывалось мнение, что «если они будут так же оригинальны, как и его талант, то публика вероятно с жадностью раскупит всё издание».¹⁰ Сообщалось и о смерти знаменитого некогда актера.¹¹

Но слухи о славе Потье, несомненно, проникали в Россию и раньше. Вот здесь нам необходимо снова вспомнить о графе Ростопчине.

После своей отставки, случившейся в 1814 г., Ростопчин отправился в путешествие по Европе. Конечной целью его был Париж, куда он приехал в конце 1816 года. 26 декабря 1816 г. (6 января 1817 г.) бывший московский губернатор писал из Парижа своему приятелю А. Ф. Брокеру: «Живу уединенно и должен остерегаться в речах, потому что в английских газетах и в Брюсселе печатают, что я иногда говорил и часто, чего не говорил».¹² Тем не менее появление в парижских салонах человека, который имел славу поджигателя Москвы, не осталось незамеченным тамошним обществом. Как свидетельствовал один из современников, «французы изумились, встретя „в диком Татарине“, как они называли графа, человека светского, с высоким образованием и просвещенным умом. Ум и острота его скоро очаровали весь Париж. Самые заклятые его неприятели, глядевшие на него как на *зажигателя*, искали сближения с мнимым антиевропейцем».¹³ И далее тот же источник приводит одну из остроумных Ростопчина, которую, как нам кажется, и припомнил Пушкин 13 декабря 1825 г., создавая «Графа Нулина»: «— Вы, верно, хотели сличить Париж с Москвою, после общего их несчастья? — спрашивали некоторые Ростопчина. Граф понимал сарказм, но он слишком льстил его само-

---

⁹ Северная пчела. 1827. № 49. 23 апр. Впрочем, через год он вернулся на сцену, и в «Молве» появилась заметка, что «Потье, идол времен Империи, (...) продолжает еще (...) на старости лет буффонить» («Без подписи»). Парижские зрелища // Молва. 1831. № 2. С. 4).

¹⁰ («Без подписи»). Смесь // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 28. 10 июля. С. 276.

¹¹ См.: Северная пчела. 1838. № 115. 25 мая. С. 458.

¹² Русский архив. 1868. № 12. Стб. 1898.

¹³ («Без подписи»). Граф Ростопчин в Париже // Северная пчела. 1839. № 108. 18 мая. С. 431.

любию. И он отвечал эпиграммой, более любезной, чем оскорбительной. „Нет! Мне хотелось лично увериться в истинных достоинствах трех прославленных мужей Франции: герцога Отрантского,¹⁴ князя Талейрана¹⁵ и актера Потье”. — И вы нашли?.. — „Я нашел, что более всех достоин своей славы последний”».¹⁶

Очевидно, эта острота Ростопчина стала широко известна, несмотря на то что в русской печати она появилась лишь спустя более десяти лет после смерти графа. Со ссылкой на публикацию в «Северной пчеле» ее приводит Д. Н. Бантыш-Каменский во втором издании своего «Словаря достопамятных людей русской земли»,¹⁷ нашла она отражение и в позднейшей французской биографии Ростопчина.¹⁸ Более того, ее знало и ближайшее пушкинское окружение. Так, о ней спустя почти шестьдесят лет вспомнил Вяземский, мимоходом отметивший в своих заметках «Современные темы, или Канва для журнальных статей» (1873—1875): «Кажется, граф Ростопчин сказал, что из всего и всех, что он видел в Париже, оказался один Потье не ниже репутации своей».¹⁹

Сейчас вряд ли возможно установить, кто и когда поведал Пушкину об этой остроте Ростопчина. Возможно, Пушкин узнал про нее на «чердаке» у А. А. Шаховского, а может быть, про нее ему рассказал завзятый театрал, знаток французской сцены П. А. Катенин²⁰ или тот же Вяземский. Интереснее другое: в какой контекст помещает Пушкин известный ростопчинский пот. Он вложен в уста откровенно пародийного героя, к тому же не понимающего его смысл и происхождение, который лишь повторяет очевидно ставшее расхожим для русской знати представление об одном из корифеев

---

¹⁴ Жозеф Фуше (1759—1820), бывший министр полиции Франции при разных правительствах; титул герцога Отрантского ему был присвоен Наполеоном в 1809 г.

¹⁵ Шарль Морис Талейран (1754—1838), французский дипломат, министр иностранных дел в 1797—1807 и 1814—1815 гг.

¹⁶ *Без подписи*. Граф Ростопчин в Париже. С. 431.

¹⁷ См.: Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским. СПб., 1847. Ч. 3. С. 166—167 (статья: «Ростопчин»).

¹⁸ См.: *Séguir A. de. Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812.* Paris, 1871. P. 316.

¹⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 283.

²⁰ По свидетельству П. А. Каратыгина, Катенин, «будучи в Париже, в 1814 году, вместе с полком, (...) видел все сценические знаменитости того времени: Тальму, Дюшенуа, Потье, Марс, Броне, Молле и проч.» (*Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 106*).

французской сцены. Внимательные же читатели, несомненно, узнавали и саму остроту, и ее подлинного автора, и это в их глазах могло придавать пушкинской поэме дополнительный комизм.

А. Ю. Балакин

НИЖЕГОРОДСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ «АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Действие неоконченного романа «Арап Петра Великого» начинается в Париже и через Красное Село, где Петр I встречал своего крестника, переносится в Петербург. Чернокожий Ибрагим появляется в парижских салонах, а затем в русской ассамблее Петербурга. Эффект цветовой, расовый, психологический призван выразить то смешение нового и старого, иноземного и русского, социально-невозможного еще недавно и волею самодержца допущенного, что и определяется как характерное для Петровской эпохи. Само противоестественное сцепление судьбы африканца с «белой лебедушкой», боярской дочерью Натальей Ржевской есть попытка передать и продуктивное, и дикое в радикализме происходивших реформ. Частные судьбы при этом выражали и общеисторическое, и неповторимо субъективное. Один аспект касался всей России, другой — самого Пушкина, явившегося плодом этих смелых экспериментов эпохи. Рождается новое время — в русской истории; рождается иной человек — в генетическом, биологическом плане. Место его рождения Петербург, тот деловой, строящийся, отличный от остальной России, который так пленил юного Ибрагима. Этому Петербургу противостоит мир, столь дорогой сердцу обитателей дома Ржевских, в который читатель попадает, начиная с IV главы романа. Сюжет этой главы составляет визит к боярину Ржевскому Петра I, сватающего Ибрагима за его дочь Наталью. Атмосфера дома Ржевского не вяжется с духом петровской столицы, как будто действие вдруг перенеслось в Москву или провинцию. Это можно объяснить тем, что Пушкин использовал здесь факт реального посещения царем дома Ржевских, но не в Петербурге, а в Нижнем Новгороде.

Потомок негра и русского Рюриковича — этот парадокс занимает Пушкина в автобиографическом плане, но когда он пытается ради сочетания его с планом историческим уплотнить

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Историко-филологическое отделение
Пушкинская комиссия

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 28

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2002